IX. Быт и нравы русского народа в древности.

Русский боярин.

В древности предки наши твёрдо держались старины и потому быт и нравы их долго сохранялись неизменными. В простом народе даже и до сих пор много осталось древних обычаев, поверий, примет и тому подобное. С другой стороны в старину жизнь наших предков различных классов и состояний не так резко различались, как в настоящее время. Богатый и знатный русский боярин такого же, например, покроя носил одежду, как и простой бедный поселянин; разница была только в достоинстве и ценности матерей; даже царская одежда по покрою была одинакова с крестьянской. Одинаковые порядки и церемонии домашнего быта можно было встретить как в хоромах вельмож, так и в убогих хижинах обитателей сел и деревень. Равным образом, почти одинаковым, развлечением и увеселениям придавались как богатые и знатные люди, так и бедные поселяне. Наконец, теми же понятиями, чувствами, даже суевериями и предрассудками был проникнут, как высший класс, так и низший.

Чтобы познакомиться со старинным бытом и нравами наших предков, взглянем на жизнь русского боярина в древности, так как его образ жизни, несмотря на сходство в главных чертах с бедною жизнью крестьянина, представляет, и некоторые отличительные стороны и вообще был полнее и разнообразнее. Но при этом не будем упускать из виду и особенности быта крестьянского.

Жизнь русского боярина.

Жилища. Посреди огромного двора, обнесённого забором или острым тыном, стоял деревянный боярский дом с крыльцом, к которому от ворот вела дорога, а на воротах висел образ.

В старину дома строились исключительно почти деревянные, во-первых потому, что предки наши не особенно искусны были в каменных постройках , а, во-вторых , потому, что тогда было убеждение, что в деревянных домах жить здоровее. Каменные дома были редкость. Когда в XV веке один купец, по прозванию Таракан, построил себе близ Кремля каменный дом, то москвичи приходили смотреть на него как на диковинку. Только со времени Михаила Феодоровича начал распространяться вкус на каменные постройки, хотя ещё при Грозном, было, учреждено особенное ведомство или приказ, заведовавший каменными постройками. Лицевая сторона или крыша боярского дома обыкновенно украшалась разными фигурами птиц, зверей, всадников, листьев, трав и т. п. Все это было резное и наводилось золотом и яркими красками. Самые стекла в окнах также большею частью были цветные. Впрочем, до открытия стеклянных фабрик при Алексее Михайловиче, вместо стёкол чаще употреблялось для окон слюда, вставлявшаяся в железные переплёты; она также расписывалась разными фигурами.

Дом боярина или хоромы состояли из нескольких отделений, соединённых сенями и крытыми переходами. В них большею частью было три этажа. Нижний этаж назывался подклетом и в нем помещались людские комнаты и кладовые. Над подклетом находилась горница, нередко разделявшаяся перегородками на несколько комнат. Здесь то и жил сам боярин. Верхний же этаж боярского дома составляла светлица, которую называли также теремом, отчего в народных песнях терема и называются высокими. В них у больших или красных окон, называемых в песнях косоватыми, и проводили время боярские жены и дочери, занимаясь вышиванием золотом и жемчугом. Около теремов всегда почти устраивались балконы, которые назывались гульбищами. Жилища же простых людей – изба — тёплый покой и клет — летнее холодное помещение — были до такой степени не хитры, что их продавали на рынках совсем готовыми. Вот почему после пожаров, которые были весьма часты, города и села скоро опять отстраивались. В простых избушках окна затягивались кожею, пузырям и даже масляным полотном и вообще были маленькие, для того, чтобы в комнате было теплее, но зато в такой комнате даже посреди дня было почти темно. Так как печи в избах бедных людей устраивались без труб, то для пропуска дыма делали так называемые волоковые окна, которые задвигались или заволакивались доской. Вокруг боярского дома было множество людских изб и служб. Так как у богатых людей большею частью всё приготовлялось дома, то тут были особые строения для печенья хлеба, варки пива, сычения мёда и тому подобное. Баня или мыльня составляла необходимую принадлежность, не только боярского, но и всякого зажиточного дома. Равным образом сады и огороды были также во всех зажиточных домах. У знатных же людей на огороде почти всегда был свой рыбный пруд.

Старинные дома, не отличались изяществом постройки; правильного, красивого расположения в них не было. Самые дворцы представляли пёструю массу зданий разнообразной величины, раскиданных без всякого порядка. Таков, например, Коломенский дворец царя Алексея Михайловича, план которого сохранился. Но, несмотря на то, некоторые дворцы отличались великолепьем и богатством украшения, как снаружи, так и внутри. Не говоря, о разного рода вычурных резных украшениях, в них иногда самые кровли и купола отделывались серебром и золотом. О коломенском дворце один путешественник замечает, что он так изукрашен был резьбой и позолотою, что походил, на игрушку, только что вынутую из ящика. Внутреннее украшение домов в старину составляли, прежде всего, образа в серебряных и золотых окладах с жемчугом и драгоценными камнями и в створчатых киотах. Они обыкновенно ставились на полках или божницах в переднем углу и перед ними теплились лампады, а в праздники зажигались и свечи. В боярских домах, а равно и во дворцах, была ещё комната, где образа ставились во всю стену, наподобие церковного иконостаса, и перед ними стояли подсвечники с восковыми свечами и аналой с богослужебными книгами. Эта комната называлась крестовою. В ней совершалась молитва утренняя и вечерняя; в ней же домовый священник отправлял ежедневно заутреню, часы и вечерню. У многих бояр и знатных людей были и свои домовые церкви. Кроме образов, в старину редко допускались другие украшения на стенах. Но в XVII веке, вследствие западного иноземного влияния, начал распространяться вкус к расписыванию потолков и сводов, а иногда и стен. Впрочем, во дворцах ещё гораздо ранее стены и потолки расписывались разными священными изображениями, например: Господь Саваое, Страсти Господни, Крещение св. Ольги. В древних дворцах рисовали также небесные светила, портреты великих князей и царей русских и тому подобное. Сообразно вкусу времени стенные изображения в древности отличались блеском золота, яркостью красок и разными вычурными украшениями. В XVII же веке и в домах боярских начали входить в употребление, в виде стенных украшений, так - называемые лубочные картины в золочёных рамах, большею частью также религиозного содержания. Вкус к ним стал распространяться и в других сословиях; к концу XVII века их продавали уже в лавках в Москве. В это время, вследствие также знакомства с западною - Европою, в ряду комнатных украшений встречаются ещё часы стенные и столовые, хотя во дворце московских государей они существовали гораздо ранее.

Часы карманные или зепные в старину составляли редкость. Но зато часы башенные с боем и музыкою были в большом употреблении В древности не было также стенных зеркал. Церковь не одобряла их употребление. Духовным лицами даже собором запрещено было иметь их в своих домах. Но к концу XVII века появляются и зеркала. Стены в домах вельмож, кроме украшения картинами, обивались сукном или кожею различных цветов. К стенам, пониже окон, приделывались широкие лавки, которые с самых древнейших времён

и до начала XVII века составляли необходимую мебель, даже во дворцах; они накрывались материями суконными, шёлковыми, бархатными, нередко шитыми серебром и золотом. Перед лавками в углу ставились длинные и узкие столы, большею частью дубовые, иногда разрисованные разными изображениями из священной истории и украшенные резьбой. Кроме лавок для сидения употреблялись ещё длинные и широкие скамьи и табуреты или стольцы, также накрывались кусками дорогих материй; на скамьях обыкновенно после обеда ложились отдыхать.

В конце XVII в. начали появляться кресла и стулья. У стен комнаты, где не было лавок, ставились шкафы, называемые поставцами, или приделывались полки, в которых выставлялись напоказ посуда золотая и серебряная и вообще всякого рода дорогие и редкие вещи. После образов это составляло в древности главное убранство комнат.

Утро русского боярина. Вставал русский боярин точно так же, как и простой человек, обыкновенно очень рано, когда начинали благовестить к заутрени. Первым делом его по пробуждении было перекреститься, глядя на образ. Потом, надевши зипун — это обыкновенное короткое домашнее платье и умывшись розовою или простою водою, боярин шёл молиться в крестовую комнату. Сюда же собиралась вся семья его, и даже прислуга. Тут затепливались лампады, зажигались свечи, раскуривался ладан и начиналась общая молитва. Хозяин, как дома владыка, читал вслух утренние молитвы.

Предки наши при каждом удобном случае ходили также в церковь к утрене и обедне. После молитвы или по возвращении из церкви, боярин, напившись сбитню с калачом или взвару из наливок с клюквою и малиною, делал, распоряжения по хозяйству, заказывал ключнику обед, обходил с дворецким надворные строение, заходил в хлева досмотреть на скотину. Сделав домашние распоряжения, боярин собирался во дворец или на службу в приказ.

Одежда. Предки наши вообще любили показать себя роскошью нарядов и потому, выходя из дому или принимая гостей дома, они надевали самые дорогие и роскошные одежды. Чтобы выказывать своё богатство, русский боярин иногда, принимая гостей, сидел в дорогой шубе дома в комнате. Во время приёма иностранных послов цари выдавали бедным придворным из своей казны шитое золотом и жемчугом платье. Собираясь во дворец или куда бы то ни было, боярин надевал на зипун - кафтан или армяк с длинными, доходящими до земли рукавами и подпоясывался длинным и широким поясом, а поверх кафтана накидывал ещё епанчу или шубу из лисьего, собольего или другого какого - ни будь дорогого меха. Одежды боярина обыкновенно делались из дорогих материй ярких цветов: красного, жёлтого, зелёного и других, вышивались золотом и серебром и украшались разными нашивками и множеством пуговиц. Немаловажное украшение в боярской одежде составлял воротник или ожерелье, как его тогда называли; он пристёгивался к рубахе и, кроме разных вышивок золотом, унизывался ещё жемчугом. Не последнюю вещь в боярском убранстве составляли и сапоги: они обыкновенно делались из сафьяна, большею частью красного, жёлтого и голубого, с острыми носками и высокими подборами; по швам, носкам и каблукам, они также вышивались разными золотыми узорами и унизывались жемчугом; подошвы на сапогах подбивались серебряными гвоздями, а каблуки — серебряными подковами. На голову боярин надевал шапочку или тафью, а поверх неё высокую горлатную шапку Она называлась так потому, что выделывалась из меха, добываемого с горла дорогих пушных зверей. Такую шапку могли носить только одни бояре. Бояре, часто в комнатах, за нарядными столами, сидели в своих тяжёлых шапках и не снимали их во время заседания думы в присутствии государевом.

Этот восточный обычай у наших предков поддерживался другим же восточным обычаем — плотно стричь и даже брить волосы на голове. Отращивание волос на голове в боярском быту допускалось только в случае траура или царской опалы. Зато в старину все носили бороды и у кого борода была длиннее и окладистее, тот пользовался большим почётом; напротив, у кого не росла борода, на того смотрели подозрительно и считали его способным на дурное дело. В довершении своего убранства боярин вешал иногда на шею золотую цепь с крестом, весом в несколько фунтов; ухо вдевал серьгу, на пальцы надевал множество перстней с алмазами, яхонтами, изумрудами, а с боку привешивал шпагу или затыкал за пояс нож, нередко также кинжал.

Выезд из дому. Разодевшись, боярин выходил на крыльцо и садился верхом на лошадь, если было лето; зимою же усаживался в сани. Ходить пешком для важного человека в старину считалось предосудительным и неприличным, и, хотя бы нужно было сделать от дома нисколько шагов, боярин считал необходимым, для поддержания своего достоинства, ехать, а не идти. Когда господин усаживался в сани, то у ног его, на тех же санях, становились два холопа; нисколько холопов шли по сторонам, а сзади бежал мальчик - казак; сани везла большею частью одна лошадь, и кучер сидел на ней верхом. Лошадь боярина также убиралась разными цепочками, колечками, погремушками, перьями и хвостами лисьими, собольими и другими. В XVII веке начала входить в обычай езда в каретах летом и зимою на нескольких лошадях. Но езда в санях вообще считалась в старину почётнее езды на колёсах. В торжественных случаях сани употреблялись и летом. Так, патриарх Иерусалимский, приезжавший в Москву для возведения в патриархи Филарета, отца Михаила Феодоровича, ехал в Успенский собор в санях, хотя это было в июне. Архиереи также вообще ездили к обедне в санях и зимою и летом. Вообще когда предки наши появлялись перед публикою, то любили окружать себя пышности и роскошью. Знатные люди имели даже своих телохранителей. Когда боярин ехал или верхом на разукрашенной лошади, или в санях, окружённый толпою слуг, то все расступались; простой народ делал ему земные поклоны и если кто-либо, встретившись с боярином, тоже ехал, то поспешно вылезал и кланялся до земли. Впрочем, в конце XVII века это было запрещено указом.

Приезд во дворец. Но, подъезжая к царскому двору, боярин у ворот его сам слезал и через двор уже шёл пешком. Как бы ни был он знатен и заслужен, но не смел, проехать на лошади через цари двор; некоторые же нечиновные люди не осмеливались въезжать даже и в Кремль, где обыкновенно жил царь. Вообще русский человек, ещё издали завидя царское жилище, благоговейно снимал шапку. Всякое непристойное слово, сказанное во дворце, а тем более ссоры и драки почитались нарушением чести государева двора и преследовались законом. Когда боярин подходил к крыльцу царского дворца, здесь уже толпились люди меньших чинов; на крыльце в сенях тоже собирались царедворцы по чинам своим несколько выше первых. Но ни те, ни другие, по тогдашним придворным правилам, не могли входить в самые покои царские удавалось видеть царя только, когда он выходил на крыльцо. Боярин же прямо отправлялся в приёмную комнату, которая называлась переднею. Здесь все бояре и знатные люди ожидали царского выхода. Некоторые же, пользовавшиеся особенною доверенностью и расположением государя, выждав время входили в самую комнату или в кабинет царя. Завидев государя, все бояре кланялись в землю, но царь никогда не снимал даже шапки на их поклоны. Поздоровавшись с боярами и переговорив с некоторыми из них немного о делах, царь, в сопровождение своих царедворцев, отправлялся часу в девятом к обедне в одну из придворных церквей; если же был большой праздник, то в соборе, или в какую-нибудь городскую церковь, где был храмовой праздник. После обедни царь слушал доклады по делам и челобитные; при этом все бояре стояли; уставшие стоять, выходили посидеть в переднюю или в сени, наконец, на двор.

Местничество бояр. В некоторые дни в комнатке царской бывали заседания Боярской Думы. Здесь решались важные государственные дела. Присутствовали в Боярской Думе только самые важные сановники: бояре, окольничие и думные дворяне.

Они рассаживались по лавкам, поодаль от царя, в строго определённом порядке, по чинам и знатности рода. В старину это весьма строго соблюдалось. Большим бесчестием считалось боярину сесть ниже окольничего, а окольничему ниже думного дворянина. Этот обычай соблюдался и при занятии должностных мест. Так, например, сын или внук боярина не мог находиться под начальством сына или внука окольничего; даже два лица не могли служить в одинаковых званиях, если предки одного стояли хотя одною ступенькою выше предков другого. Если это случалось, то обиженный, обыкновенно подавал челобитную государю, в которой высчитывал всю свою родословную и говорил, что ему служить невместно. Это называлось местничеством. Местнические споры, по понятиям старины, были так важны, что нередко сам царь с боярами занимался рассматриванием их. Беспрекословные исполнители воли царской, бояре и князья, как только дело касалось родословных счетов совершенно отказывались повиноваться царю, потому – что через это, по понятиям того времени, наносился позор и унижение всему роду, или, как тогда говорили, терялась родовая честь. Обычай этот так глубоко вкоренился, что не только считались местами при назначении в должности, но и спорили при занятии места за царским столом, при приёме послов и в других торжественных случаях. Легко себе представить, какой вред происходил от этого. Случалось, что вовремя походов войска наши от этого терпели неудачи, потому что, соображаясь с этим предрассудком, цари должны были назначать на места не по способностям и заслугам, а по знатности рода. Один древний русский писатель говорить, что многие из бояр в Думе не могут слова сказать, а сидят уставя брады свои, потому что царь назначает их не по разуму, а по великой их породе.

Во избежание подобных назначений, цари часто, особенно во время войны, объявляли, чтобы все были без мест, т.е. чтобы никто не считался родословными правами, а служили бы там, где укажет государь, что на будущее время это не будет приниматься в расчёт, и не будет служить унижением для рода. Но и это мало помогало. Царь Феодор Алексеевич, сын Алексея Михайловича, решился совсем уничтожить местничество. Он собрал для этого собор из священного духовенства и бояр. На соборе патриарх первый начал говорить против местничества. Назвав его источником многих зол и неудач в делах государственных, он в заключение сказал, что не может изречь царю достойной похвалы за его мудрое намерение. С мнением патриарха согласились и бояре. Тогда Феодор Алексеевич приказал принести книги, в которых заключались местнические споры. В дворцовых сенях разложили огонь и книги были сожжены. При этом, члены Думы говорили: «да погибнет в огне это богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не вспомянется во веки».

Обед и ужин. Около 11-ти часов дня служебные занятия обыкновенно, кончались. В полдень наступало для всех время обеда. Русский боярин садился за стол один или с родственниками и приятелями, проживавшими в его доме; жена же и дети обедали особо. Стол русского боярина отличался обилием яств. «Не красна изба углами, а красна пирогами», говорили предки наши. Но, несмотря на то, посты, предписываемые церковью, строго соблюдались; с особенною строгостью соблюдался великий пост.

В это время наши предки разрешали себе рыбу только в немногие праздничные дни. Царь Алексей Михайлович в великий пост обедал только четыре раза в неделю, а в остальные дни не ел ничего. Но был ли то пост или обыкновенное время, предки наши, начиная от царя и кончая последним поселянином, после обеда обыкновенно ложились отдыхать. Это был обычай, освящённый временем. Не спать после обеда считалось в некотором смысле ересью, как всякое отступление от прадедовских обычаев. Отдохнувши после обеда, боярин опять отправлялся во дворец. Царь в сопровождении бояр снова шёл в церковь к вечерне.

После вечерни иногда, если были важные дела, государь тоже занимался с боярами несколько часов. Ежедневные приезды во дворец составляли непременную обязанность бояр, проживающих в Москве. Когда кто уклонялся от этого, то государь гневался на него и даже подвергал опале.

Развлечения. Вечер в домашнем быту боярина обыкновенно посвящался развлечениям, свойственным духу времени. Тут являлись на сцену карлы и шуты, которыми наполнены были дома знатных людей. Они увеселяли своих господ разными смешными выходками, кругляшами, прибаутками, песнями и плясками. Игра на гуслях и органах составляла также любимое удовольствие знатного человека. Но церковь неблагоприятно смотрела на эти удовольствия. Так, при Михаиле Феодоровиче музыкальные инструменты были запрещены; по приказу патриарха, их тогда обобрали во всех частных домах и на нескольких возах свезли на Москву-реку и сожгли. Танцы же или пляска для важных особ считались в старину делом неприличным. Церковь запрещала даже смотреть на танцы. Подобные увеселения однако так сообразны были с духом и вкусами старого времени, что самые благочестивые люди соблазнялись. Так, царь Феодор Иоаннович, этот монах на престоле, любил смотреть на подобные рода потехи. Любимым же удовольствием для

народа в праздничные дни были кулачные бои, в которых закалялась натура русского человека. Нередко бойцы выходили из этих боев калеками, а иных выносили мёртвыми. В лете праздники народ потешался также хороводами и песнями. Особенно разгул народных увеселений, проявлялся в святки и на масленице. В святки главное удовольствие составляли гадания и переряжевания, что от части, сохранилось и доныне. В старину переряжевания были самые уродливые и смешные.

Всего чаще переряживались в буку, бабу-ягу, козу, медведя, журавля и. т. п. У буки обыкновенно вид был такой: лицо, обмазанное сажаю, на голове рога, уши, обвёрнутые лохмотьями, руки — соломою, ноги толстые и кривые, тело обматывалось чем - нибудь косматым с привешенными бубенчиками; во рту бука держал раскалённые уголья и изо рта выпускал дым. Баба-яга в ступе, с костяными ногами, помелом заметала свой след и правила костылём. Она задавала загадки и сама отгадывала. Знатные люди позволяли себе также, для собственного удовольствия, травить собаками зайцев, лисиц, волков, медведей. Иногда же для потехи господ в борьбу с медведем вступали охотники. Для этого отводилось небольшое пространство, обнесённое стеною, под которою делались места для зрителей. Когда выпускали медведя, то он, завидев человека, становился на задние лапы и с рёвом бросался на него.

Предупреждая нападение, боец сам кидается на медведя и поражает его рогатиною в грудь. Случалось, что медведь погибал с одного удара. Тогда победителя жаловали подарками.

Но самое любимое препровождение времени для богатых и знатных людей в старину составляла охота. Соколиная же охота считалась благородною забавою князей и царей. При дворе их был особый штат сокольников, которые заведовали этого рода охотою. Особенно любил соколиную охоту царь Алексей Михайлович. При нем сокольники были поставлены почину выше стольников, а главный сокольничий был его любимец.

Из невинных удовольствий старого времени были также как и теперь: катание на коньках по льду, катание на салазках, качели, шахматы и т. п. Карты также были уже известны.

Пиры и приём гостей. Кроме игр и других забав, предки наши любили задавать пиры, которые заменяли нынешние театры, вечера, увеселительные поездки и тому подобные развлечения. В древности существовал даже обычай устраивать пиры в складчину, например, в праздники, — в Николин день и другие. Пиры давали цари и крестьяне и разницу между ними составляли только богатство и роскошь угощения, а отнюдь не приёмы и обряды. В приёме гостей соблюдались тонкие различия, смотря по важности гостя. Так, знатные люди подъезжали прямо к крыльцу дома, менее значительные въезжали на двор, но останавливались на некотором расстоянии от крыльца и шли к нему пешком, те же, которые считали себя гораздо низшими в сравнении с хозяином, привязывали лошадь у ворот и пешком проходили весь двор — одни из них в шапках, а другие, считавшиеся по достоинству ниже первых, с открытой головой.

Войдя в комнаты, гость, прежде всего, молился образам, касаясь пальцами пола, потом кланялся хозяину; при этом соблюдались опять разного рода церемонии, смотря по важности лица; так перед одними только наклоняли голову, другим кланялись в пояс, перед некоторыми же становились на колени и касались лбом земли или били челом.

Существовал также обычай являться на званые обеды с подарками, которые назывались поминками. Пользуясь этим обычаем, знатные люди, особенно наместники и воеводы в городах, удостаивали нередко приглашение купцов, приношениями которых и покрывались издержки пира с большою лихвою.

За столом гости рассаживались по знатности рода и по чинам. Сесть выше другого, считавшегося знатнее, значило нанести ему оскорбление, которое сопровождалось спором и бранью и даже дракою. Подобные споры случались даже за царскими обедами. Так, при Михаиле Феодоровиче князь Лыков, будучи посажен за стол ниже Ивана Никитича Романова, дяди царя, стал бить чалом государю, что «ему меньше Романова быть никак нельзя, лучше пусть государь велит казнить его смертью». Сколько царь ни уговаривал спесивого боярина, он не сел за стол и уехал домой. Два раза посылали за ним, но Лыков давал один ответ: «готов ехать к казни, а меньше Ивана Никитича мне не бывать». Тогда царь приказал выдать его головою Романову. Лыкова привели приставы, в сопровождении дьяка, на двор Романова и поставили у крыльца. Когда Иван Никитич вышел на крыльцо, то дьяк сказал: «великий государь указал, а бояре приговорили выдать тебе головою боярина Лыкова». Иван Никитич благодарил за царскую милость, и отпустил униженного соперника своего, а на другой день ездил во дворец бить челом царю. Случалось, что царь приказывал иногда заспорившего о месте боярина посадить насильно, но тот начинал отбиваться и даже забивался под стол; при этом бранил и бесчестил своего соперника. Бывали также случаи, что цари за неправильные споры о местах за столом отбирали имения и ссылали.

Каждый из приглашённых гостей садился за стол в шапке. Самым почётным местом был передний угол под образами, куда сажали большею частью духовную особу. Перед началом пира выходила к гостям хозяйка и кланялась им в пояс. Гости же кланялись ей в землю. Желая сделать особую честь гостям, она обносила их вином; после того уходила и уже больше не являлась. У некоторых же богатых и знатных лиц обряд этот совершался иначе. Жена хозяина выходила к гостям посреди пира, в сопровождении жён сыновей и других замужних родственниц, живших в доме. Поднесши чарку вина почётнейшему гостю, она уходила и являлась уже в другом платье; поднесши вина другому гостю, она опять удалялась и снова возвращалась переряженная. Эти переряживания продолжались до тех пор, пока она не обносила вином всех гостей. Обычай переряживания служил для показа богатства и роскоши. Обычай подносить вино гостям существовал даже в царском быту. Так, в некоторые торжественные праздники сами царицы подносили по чарке вина всем приглашённым ко двору за исключением иноземцев.

Отличительною чертою русских пиров было множество кушанья, которые все разом ставились на стол. Исконно русские славились своим гостеприимством, и потому у них все подавалось на стол; иногда число блюд доходило до 50 и даже до 100. На царской же кухне при Алексее Михайловиче ежедневно готјвилось до 3,000 яств. Впрочем, они рассылались обыкновенно приближённым государя. Некоторые кушанья, употребляемые ныне, в старину считалось за грех есть, например: телятину, раков, зайцев, голубей. Но, заботясь

о количестве кушанья, русский боярин мало обращал вниманья на вкус приготовляемых блюд. Особенность русской кухни состояла в пряных приправах. Лук и чеснок составляли неизбежную принадлежность почти каждого кушанья. Иностранцы не могли, есть большей части русских блюд. Но зато всем им нравился русский мёд. Русский боярин выказывал своё богатство во время пиров не только обилием яств и напитков, но и роскошью посуды. Тут выставлялись массивные серебряные, а иногда и золочёные блюда, ложки, ножи и огромные кубки. Впрочем, дорогая и роскошная посуда у русского аристократа появляется только с половины ХУП века. Около этого же времени входит в употребление и хрустальная посуда.

Но, несмотря на роскошную обстановку, предки наши не отличавшиеся опрятностью за столом: они не употребляли салфеток, а обтирали руки полотенцами или о края скатертей; кушанья ели по нескольку человек из одного блюда и некоторые брали прямо руками без вилок; даже за царским обедом не всем клали тарелки.

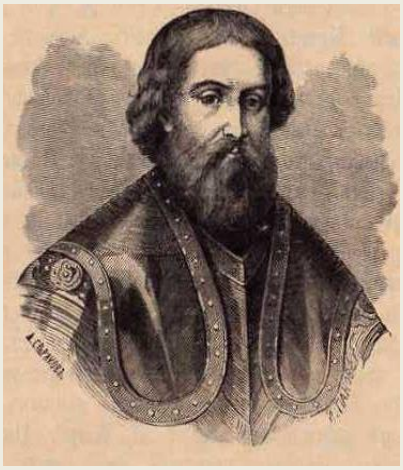
Старинные пиршества вообще были длинны; с полудня продолжались иногда до позднего вечера. Это происходило, между прочим, и оттого, что когда пили за здоровье государя, то при этом провозглашали полный титул его, равным образом при каждом тосте пели многие лета. Несмотря на весь разгул старинных пиров, религиозность наших предков и здесь проявлялась в большой силе. Люди степенные обыкновенно перед пиром поднимали в дом образа, служили молебен, святили воду и кропили ею иконы и все покои; во время самого пира иногда дьячки пели духовные песни; в сенях и на дворе сын хозяина или кто-либо из родных кормил нищих, а иногда их сажали за один стол с гостями; после же стола хозяин раздавал нищим милостыню.

Вообще милосердие сострадание к бедным и убогим составляли отличительную черту древнего русского человека. Нищих кормили нередко в самом дворце, и государи из своих рук жаловали им милостыню. Перед большими праздниками цари, а также знатные и богатые люди обыкновенно посещали тюрьмы и богадельни и раздавали милостыню колодникам, уварочным и всяким бедным людям.

Любознательность предков. Но не в одних пирах и весельях проводили вечера в старину наши вельможи. Люди любознательные занимались и чтением книг, по большей части духовного содержания. Правда, из среды князей и бояр в старину немало было таких, которые за неграмотностью не могли прикладывать своих рук к соборным грамотам. Но некоторые из бояр даже славились своею начитанностью. Таков, например, князь Андрей Михайлович Курбский. От него дошла до нас переписка с царём Иоанном Грозным и история этого государя. Предки наши любили даже рассказы бывалых людей о дальних странах, об иноземных обычаях и особенно о старине. Известно, что царь Алексей Михайлович держал во дворце стариков, имевших по сто лет от роду, которые назывались верховными богомольцами. В длинные, зимние вечера государь призывал их к себе и они, в присутствии царского семейства, повествовали о событиях, происходивших на их памяти, о дальних странствиях и походах.

Конец дня. Вечером русский боярин ужинал, а после ужина совершал вечернюю молитву. Снова в крестовой комнате затепливались свечи и лампады перед иконами, снова собирались туда домочадцы и прислуга, и хозяин читал вслух вечеря молитвы. После этого считалось уже непозволительным, есть и пить. Все скоро ложились спать.

Западное влияние. В XVII веке, в образе жизни московских бояр появляются значительные перемены. Причина этого заключается в том, что со времени свержения татарского ига сношения русских с западными иноземными народами: немцами, французами, англичанами и другими становятся более и более частыми; многие из иноземцев поступают к нам на военную службу, некоторые устраивают у нас заводы и фабрики и занимаются разными промыслами. В XVII веке в Москве уже так много было западных иноземцев, что они близ города заселили, целую слободу, которая называлась немецкою. Сами русские, также стали чаще ездить за границу, где процветали науки и искусства. Ещё Иоанн Грозный начал посылать молодых, людей за границу учится. Борис Годунов, задумавши основать школы в России, отравил 18 молодых людей в Германию, Англию и Францию для образования. Конечно, знакомясь с иноземцами и посещая иноземные страны, русские не оставались равнодушными к европейской жизни. Так, из 18 молодых людей, отправленных заграницу Годуновым, только один вернулся в Россию; прочим же так понравилась заграничная жизнь, что они остались там навсегда. То же самое случалось и с другими. Вследствие иноземного влияния даже при дворе в XVII веке появляется некоторая новизна. Так, при Михаиле Феодоровиче боярин Морозов, воспитатель царских детей, пошил им и их сверстникам немецкое платье; весь штат их также одет был в короткое платье. Из числа бояр XVII века более всех замечателен любовью к образованию и к хорошим иноземным обычаям боярин Артамон Сергеевич Матвеев, любимец царя Алексея Михайловича.



Боярин Матвеев,
основатель придворного театра.

Дружба с царём Матвеев был сын одного небогатого дьяка. Он обратил на себя внимание ещё царя Михаила Феодоровича своим умом и образованием, редким в то время. Алексей Михайлович, при котором Матвеев находился с молодых лет, также полюбил его за начитанность, доброту души, бескорыстие и усердную службу. В те времена человеку незнатного происхождения чрезвычайно трудно было возвыситься, а сделаться боярином было почти невозможно. Матвеев достиг боярского звания благодаря только тому, что царь очень любил и уважал его. Алексей Михайлович часто бывал у Матвеева и называл его по просто: «Друг Сергеич ». Ещё больше царь привязался к своему другу, когда лишился своей супруги и женился во второй раз на воспитаннице его. Случилось это таким образом. Посещая часто Матвеева, Алексей Михайлович однажды пожелал отужинать вместе с его семейством запросто. К столу явилась жена Матвеева с сыном и, Кроме того ещё молодая, красивая и высокая ростом девушка. То была Наталья Кирилловна дочь небогатого тарусского помещика Нарышкина, с которым Матвеев прежде служил и теперь ещё был дружен. Она воспитывалась у Матвеева. Царь, увидев её, сказал: «Я не знал, Сергеич , что у тебя есть дочь», — «Это не дочь моя, а приёмыш, отвечал Матвеев. За столом Алексей Михайлович разговорился с девушкой и увидел, что она была умна, добра и скромна. Царь был весел, шутил и обещал найти ей жениха. Через несколько дней, он опять приехал к своему любимцу и объявил, что нашёл жениха для Натальи и что этот жених — он сам. Артамон Сергеевич обрадовался этому и в то же время испугался, боясь злобы врагов и завистников. Он пал перед государем на колени и молил его — или оставить это намерение, или защитить его от врагов. Царь дал слово не верить ничьим наветам. Вскоре, по тогдашнему обычаю, собрано было во дворце до 60 благородных девиц и из них супругой царя избрана была Наталья Кирилловна. В день царской свадьбы Матвеев сделан был думным дворянином, а потам вскоре пожалован был в бояре. Царь питал к нему неограниченное доверие, поручал ему самые важные должности и во всем советовался с ним. И Артамон Сергеевич вполне заслуживал царской дружбы и доверия. Своей добротой и ходатайством перед царём за невинных и слабых, он приобрёл также и любовь народа. Однажды москвичи узнали, что Матвеев хочет строить себе новый дом и нуждается в камне на фундамент. Целою толпою пришли они к нему на двор и предложили ему камни. Артамон Сергеевич стал отказываться. «Благодетель наш» сказали москвичи, «не отказывайся, мы для тебя не жалеем камней с могил наших предков». Это так тронуло Матвеева, что он не знал что делать. Он довёл об этом до сведения царя. «Такой подарок и я бы охотно принял », сказал Алексей Михайлович своему любимцу.

Введение новых обычаев. Но особенную известность Артамон Сергеевич приобрёл тем, что понимал потребность образования, старался усвоить от иноземцев все хорошее и полезное. Посещая по делам службы разные страны, он имел случай наблюдать нравы и образ жизни других народов. Любознательный от природы, Матвеев охотно вступал в разговоры с иноземцами об их жизни и обычаях и видел, что многому следует у них поучиться. Встречая же сочувствие к иноземному в самом царе, он не боялся и в жизни своей следовать иностранным обычаям. Так, он украсил комнаты в своём доме, на манер европейский, картинами, зеркалами, часами; иконостас в своей домашней церкви велел разрисовать итальянскою живописью, которая была несравненно лучше нашей иконной живописи; сына своего он учил иностранным языкам и разным наукам.

Он не любил также окружать себя сказочниками и шутами, как было тогда в обычай, не задавал длинных и шумных пиров; к нему съезжались гости не для того только, чтобы есть и пить, а чтобы провести время в приятных и умных разговорах. Любимым развлечением его и отдохновением от служебных занятий было чтение книг; известно также, что он занимался русскою историей и излагал некоторые события из неё по летописям. Вообще Матвеев был человек образованный и своим образованием производил приятное впечатление даже на иноземцев. Артамон Сергеевич также один из первых ослабил у себя строгость затворнической жизни женщины. В старину установился нелепый обычай, по которому чем знатнее была женщина, тем более удаляема была от людей. В силу этого обычая царицы и царевны почти никому не показывались. Кроме самых близких людей, их никто никогда не видел, даже доктора лечили их по рассказам прислужниц. Если случалось ехать куда-нибудь, например, в монастырь на богомолье или в дворцовое село, то их возили не иначе, как в закрытых экипажах и с завешанными окнами; когда приходилось в Кремле идти в церковь, то на этот раз запирали ворота и никого не впускали в Кремль; жителям самого Кремля запрещали выходить на улицу, а чтобы из окон нельзя было видеть царицы или царевен, то перед ними несли ширмы; народ знал их только по именам, которые вычитывались в церквах, да по милостыням, которые от них раздавались бедным, убогим и заключённым. Царевны ничему кроме, грамоты не учились и ничего не знали; замуж они не выходили, потому что за подданных было не в обычае, а за иноземных принцев не позволяла вера. Они проводили свою жизнь внутри своих теремов, в кругу сенных девушек, занимаясь разными вышиваниями. По словам одного писателя XVII века (Котошихина), «царевны жили, как пустынницы, мало видели людей и их люди, но всегда в молитве и посте пребывали, и лица свои слезами омывали». Точно так же почти скрывали своих жён и дочерей бояре. Из своих теремов боярские жёны выходили почти только в церковь, во дворец, да к близким родственникам. Особенно строго содержали наши предки дочерей: до замужества их, можно сказать, не видал глаз постороннего мужчины; даже жених в первый раз мог хорошо рассмотреть свою невесту только тогда, когда она делалась его женою. Всё устраивалось родителями или родственниками вступающих в брак молодых. При таком порядке дело не обходилось без обмана. Случалось, что родители выводили напоказ не ту, которую хотели выдать замуж, потому что она или была дурна собою, или имела природный какой-либо не достаток, а другую, более красивую, даже служанку. Обман открывался только после венчанья, но уже делать было нечего. Муж большею частью вымещал свою злобу и досаду на жене. И вообще, семейная жизнь в старину много страдала от того, что женщин держали вдали от света и ничему не учили. Матвеев не следовал, этим обычаям старины. 'Гак, он садился за стол обедать или ужинать не один, как делали другие бояре, а со всем семейством. Воспитанница его, Наталья Кирилловна, сделавшись царицею, также стала показываться народу и выезжать в открытом экипаже. Замечательно, что когда она раз, во время въезда иноземного посла в Москву, стояла у открытого окна и глядела на церемонию; то народ, проходя мимо, опускал глаза вниз, не смея смотреть, на царицу.

Устройство придворного театра. Артамон Сергеевич Матвеев, сделавшись сильным человеком, ввёл ещё более важную новость. Это театральные представления при дворе. За границею узнали, что в Москве есть уже много таких образованных людей, которые не прочь посмотреть на театральные представления и послушать немецкой музыки. В конце царствования Алексея Михайловича сюда и прибыло несколько немецких актёров. Они обратились к Матвееву с просьбою, чтобы он испросил им у царя позволения давать при дворе представления духовного содержания. Матвеев, вполне сочувствуя сам этому делу, исполнил их просьбу. Алексей Михайлович сначала обратился за советом к духовнику своему. Тот, ссылаясь на пример греческих царей, которые позволяли себе подобные развлечения, отвечал, что можно играть немцам во дворце.

Первые пьесы, играные во дворце, были: «Эсфирь», «Юдиф и Олоферн», «Адам и Ева» и другие. При этом на музыкальных инструментах играли дворовые люди Матвеева, обученные немцами.

На представлениях кроме бояр и придворных, была и царица с царскою семьёй. Несмотря на не затейливость игры, зрители плакали от умиления во время этих представлений.

Алексею Михайловичу они так нравились, что он иногда просиживал на них далеко за полночь. Он поручил Матвееву устроить для театра особенные палаты. В немецкой слободе учреждена была даже театральная школа, в которую набирались ученики от подъячих и мещан и обучались там, как тогда говорили, комедийному искусству. Так, благодаря Матвееву, введено было у нас новое благородное и чрезвычайно полезное развлечение.

Ссылка Матвеева. Но недолго, всего года четыре, просуществовал тот первый придворный театр. В начале 1676 года царь Алексей Михайловичи скончался. На престол вступил старший сын его, Феодор Алексеевич. рождённый от первой супруги Марьи Ильиничны, из рода Милославских. Новый царь окружил себя родственниками по матери и их приверженцами, которые начали теснить и преследовать Нарышкиных и особенно боярина Матвеева. Не прошло и году, как он лишён был боярского сана и имущества и отправлен был в ссылку в маленький городишко Пустозерск у Ледовитого моря, где едва не умер от голода и холода. Что же послужило поводом к этому? А те самые порядки и новизны, которые он заводил при дворе и у себя дома, и за которые теперь его прославляют. Несмотря на пробудившуюся потребность в образовании, масса народа тогда ещё коснела в невежестве; школ почти не было; учиться было негде; повсюду распространены были разные суеверия и предрассудки; все верили в волшебство, в колдунов и ведьм, которые могут портить людей, насылать на страну разные беды и напасти. Предки наши смотрели как на что-то похожее на чернокнижье и на те знания, которые проникали к нам с запада Европы. Так, когда при Иоанне Грозном у нас появились немецкие календари, то они так напугали боязливые умы, что их поспешили сжечь. Первая типография, заведённая в Москве в половине XVI века, также показалась суеверным умам делом нечистым, и первые типографщики, обвинённые в ереси и волшебстве, должны были бежать из России. Между прочим, и увеселения, заводимые Матвеевым при дворе, для многих казались делом нечистой силы. Тогда как теперь актёры пользуются везде почётом, в те времена многие боялись говорить с ними, полагая, что в них сидит нечистый дух избегали всякого сообщества с ними, даже чуждались самих зрителей; души же актёров считали совершенно погибшими.

Враги Артамона Сергеевича и решились воспользоваться этим, чтобы погубить его. Они сначала стали распускать слухи ещё при Алексее Михайловиче, что он чернокнижник; потом подбросили во дворце без именное письмо, в котором говорилось, что Матвеев чародей, знает тайную силу трав. Царь Алексей Михайлович строго преследовал волшебство. Так, одного боярина, прежде обвинённого также подмётным письмом в чародействе, он лишил боярского сана, отобрал у него имение и отправил в ссылку. Но теперь он не обратил внимания на подмётное письмо. При Феодоре же Алексеевиче враги Матвеева достигли своей цели. Его обвинили в занятии чернокнижеством и в тайных сношениях с нечистыми духами, кроме того ещё в умысле на царскую жизнь. В доказательство последнего обвинения враги Матвеева приводили то, что он будто бы не отведывал лекарств, прописываемых царю, и не выпивал остатков лекарств, после царских приёмов. Матвеев должен был это делать, потому что заведовал царскою аптекою, и он

действительно не только отведывал царские лекарства, но и пил их в угоду царю. Несмотря на то, извет врагов был также поставлен ему в вину. Около пяти лет провёл Матвеев в ссылке. Только, когда умер Феодор Алексеевич и на престол был избран Пётр, его возвратили из ссылки. Матвеев с радостью был встречен новым царём и матерью его, Наталией Кирилловной. Бояре и все почти сановники спешили также поздравить его с возвращением. Народ поднёс ему хлеб - соль. Дом его, запустелый и запущенный, совершенно преобразился, украсился и наполнился всем необходимым.

Матвеев снова принялся было и за государственные дела. Но у врагов в это время все уже было готово, чтобы погубить его окончательно, Прошло только три дня, по возвращении его, как в Москве вспыхнул мятеж стрельцов, во время которого он и был убит (1682 г.).